

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК

*“ПРАВДА”, ВООБРАЖЕНИЕ И ВЛАСТЬ:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ
ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ 1923 ГОДА*

Abstract

В статье пересматривается вопрос об уровне поддержки левой оппозиции в РКП(б) во внутрипартийной борьбе на рубеже 1923-1924 гг. Отличием от предшествовавшей историографии является фокус на “воображаемые карты” (mental maps) противоборствующих сторон. Наиболее активным политическим “картографом” была газета “Правда”, успешно представившая уровень поддержки оппозиции незначительным даже на примере Москвы. Наоборот, вопреки своей массовой поддержке в Москве, оппозиция не уделила достаточного внимания конкуренции за образ собственных успехов.

The article re-examines the level of support for the Left Opposition in the RCP(b) during the intra-party struggle at the turn of 1923-1924. Unlike previous scholarly treatments of this issue, this article focuses on the mental maps created by the conflicting parties. The most active “political cartographer” was the party newspaper *Pravda*; it successfully presented the Opposition’s level of support as insignificant even in Moscow. The Opposition, on the contrary, despite its mass support in Moscow, did not do much to make use of the images of its success.

На рубеже 1923-1924 годов Российской коммунистическую партию сотрясала острая внутрипартийная борьба. Исход противостояния между большинством ЦК и оппозиционной группой во главе с Л. Д. Троцким, Е. А. Преображенским и Т. В. Сапроновым решался в рамках дискуссии о переходе к “новому курсу” на “демократизацию” внутрипартийного режима – преимущественно в печати и на партийных собраниях.¹

1. Хотя обзор историографии оппозиции 1923 года не входит в задачи данной статьи, невозможно не упомянуть о сборнике документов, включающем ценные научные комментарии его составителя В. П. Вилковой: РКП(б): *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923* (Москва: РОССПЭН, 2004) (см. англоязычное издание: *The Struggle for Power: Russia in 1923* [Prometheus, 1996]). На наш взгляд, лучшей монографией, излагающей и анализирующей основные события “большой политики” внутрипартийной борьбы, до сих пор остается: Е. Н. Сатт, *The Interregnum: 1923-1924* (New York: Macmillan, 1954). На историографию вопроса большое влияние оказали Р. В. Даниелс, П. Бруэ, Т. Клифф и В. Роговин (R. V. Dan-

Одним из традиционных вопросов политической истории является вопрос “кто кого” – вопрос о победителях и проигравших, большинстве и меньшинстве. В 1923-1924 гг. еще не существовало систематизированной, унифицированной и всеобъемлющей статистики оппозиционности. Общеизвестные или хотя бы общеизвестные количественные данные о соотношении сил на местах также отсутствовали. Представления об оппозиции в большей степени формировались под влиянием резолюции “Об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне в партии”, принятой партийной конференцией 16-18 января 1924 г. В ней утверждалось, что оппозиция не имела серьезной поддержки.² Политическое решение предопределило будущее историографии вопроса. Фактографической и идеологической основой для всех последующих советских публикаций стала также пристрастная статья И. Вардина, касавшаяся итогов внутривнутрипартийной борьбы в ячейках московской парторганизации.³ Аналогичных материалов по другим регионам (тем более, в целом по стране) центральная печать не опубликовала, ограничившись фрагментарными и отрывочными данными. Вычисления общего уровня поддержки оппозиции были произведены лишь советскими историками, по мнению которых ее поддержка составляла от 1,3% до 10-11% от общей численности членов партии, и подобный разброс цифр весьма красноречиво говорит о неясности принципов калькуляции.⁴ После 1953 г. “филиалы Института Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС и некоторые партийные архивы развернули работу по подготовке очерков и монографий по истории местных партийных организаций”⁵; изготавливались эти новые “очерки” и “истории”, однако, по единому шаблону, восходящему к “Краткому курсу истории ВКП(б)”. Историографический канон КПСС, на примере учебника образца 1982 г., гласил: “Партийные организации Москвы, Петрограда, Украины, Урала, Баку

iels, *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1960); P. Broué, *Trotsky* (Paris: Fayard, 1979); T. Cliff, *Trotsky: Fighting the Rising Stalinist Bureaucracy, 1923-1927* (Bookmarks, 1991); В. З. Роговин, Были ли альтернатива? “Троцкизм”: Взгляд через годы (Москва: Терра, 1992). Из последних крупных исследований необходимо назвать: I. Halfin, *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918-1928* (Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2007); S. Pirani, *The Russian Revolution in Retreat, 1920-24: Soviet Workers and the New Communist Elite* (London: Routledge, 2008).

2. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1953)*. Часть 1 (1898-1925) (Москва: Политиздат, 1953), с. 778-85.

3. Ил. Вардин, “Итоги”? *Правда*, 12 января 1924.

4. *КПСС. Справочник* (Москва: Госполитиздат, 1963), с. 193; А. Я. Вяткин, “Идейно-политический и организационный разгром троцкизма (1921-1928 гг.)”: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Ленинград, 1970, с. 21.

5. “Работа над очерками по истории местных партийных организаций”, *Вопросы истории*, № 10 (1954): 177.

и других промышленных центров страны дали троцкистской вылазке сокрушительный отпор. Троцкисты потерпели полный провал”.⁶ С точки зрения введения в оборот фактов, безусловно, принесли пользу отдельные книги и статьи о конкретных регионах или парторганизациях.⁷ Границы дозволенного, однако, были жестко ограничены исторической политикой КПСС. В то же время, как показал Д. Хинкс, даже пересчет количества оппозиционных резолюций по официальным опубликованным источниками, меняет картину соотношения сил.⁸

Наличие “белых пятен” в историографии вопроса не отменяет того факта, что в общем и целом оппозиционеры оказались в меньшинстве. Констатируя их поражение как результат внутривнутрипартийной борьбы, следует рассмотреть его как процесс, сменив там, где требуется, исследовательскую оптику.

Особенный интерес представляет реконструкция *воображаемой карты* оппозиции. Понятие “mental map” (или “kognitive Landkarte”), введенное психологом Э. С. Толманом в 1948 г., подверглось в ряде работ буквальному переводу – как “ментальная карта”, что не совсем корректно, так как слово “ментальность” употребляется в русском языке в контекстах, совершенно отличных от “mentality”. Эдвард Саид, говоря об определенном восприятии пространства через тексты, изображения и дискурсы, разработал концепт “воображаемых географий”, прямо перекликающийся с концептом “воображаемых сообществ”, под которыми Бенедикт Андерсон понимал нации.⁹ Воображаемая карта, как ее определили родоначальники теории географ Р. М. Доунз и психолог Д. Сти, это “созданное человеком изображение части окружающего пространства”, соответствующая практика картографии с теми способностями разума, “которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве”.¹⁰

6. *История Коммунистической партии Советского Союза*. 6-е изд. (Москва: Политиздат, 1982), с. 327.

7. См. например: *Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма* (Москва: Мысль, 1975); А. Я. Вяткин, *Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920-1925 гг.)*, ч. 1 (Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1966); Ю. Н. Климов, “Борьба большевиков Северо-Западной области против троцкизма в 1923-1924 гг., Борьба Коммунистической партии против правого и “левого” оппортунизма (1909-1930)”. Межвуз. тем. сборник (Калинин: Издательство Калининского гос. университета, 1978), с. 92-113.

8. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, *Soviet Studies*, 44, no. 1 (1992): 137-51.

9. E. W. Said, *Orientalism* (New York: Pantheon Books, 1978); B. Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (London: Verso, 2006) (revised edition).

10. Цит. по: Ф. Б. Шенк, “Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней”, *Новое литературное обозрение* (2011), с. 43.

Фритьоф Беньямин Шенк, говоря о рецепции этого понятия географией и исторической наукой, констатировал: “Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе”.¹¹ Особенно активное развитие концепт воображаемого картографирования переживает в русле “пространственного поворота” (spatial turn).

Воображаемая карта внутрипартийной борьбы “чертилась” газетой “Правда” – центральным печатным органом (ЦО) партии, а точнее – её Центрального комитета. По образному выражению Мэтью Линои, “чтение ‘Правды’ рядовыми членами партии или комсомола в чем-то напоминало ежедневное вчитывание банкиров или брокеров в ‘The Wall Street Journal’. Знать газету было “профессиональной” необходимостью”.¹² Специальных исследований, посвященных главной газете большевиков (тем более, эпохи НЭПа), непропорционально мало ее значению.¹³ Как для современников, так и для историков “Правда” служила важнейшим и нередко единственным источником информации о соотношении сил в парторганизациях. На ее страницах велась своеобразная летопись внутрипартийной борьбы. Хотя газета, будучи органом ЦК, и не могла являться бесстрастной машиной регистрации событий, редакция “Правды” не позволяла себе масштабных фальсификаций, и материалы газеты служат важнейшим историческим источником.¹⁴ Помимо “просто” информационной, “Правда” выполняла также политическую функцию формирования и мобилизации общественного мнения.¹⁵ Редакция не только производила информацию для потребителей, но и формировала самого потребителя. Важной частью этой деятельности являлась “разметка” воображаемого политико-географического пространства. Упорядочивая, размещая и интерпретируя объективные факты, “колонируя” информацией пу-

11. Там же.

12. M. E. Lenoe, *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2004), p. 72.

13. Возможно, наиболее плодотворно работал Д. Брукс. См. например: J. Brooks, “*Pravda* and the Language of Power in Soviet Russia, 1917-1928”, *Media and Revolution* (Lexington: Univ. Press of Kentucky, 1995), pp. 156-73.

14. К сожалению, фонд газеты “Правда” в Российском государственном архиве социально-политической истории до сих пор закрыт для исследователей.

15. Понятие “общественное мнение” не было чуждо лексикону большевиков. Приведем характерную и примечательную иллюстрацию – фрагмент небольшого обращения Троцкого, опубликованного в разгар внутрипартийной борьбы: “Общественное мнение трудящихся должно побудить всех этих людей вносить правильные взносы на дело облегчения участи инвалидов. Если в этом области нет юридического принуждения, то может и должно быть моральное принуждение, создаваемое общественным мнением все добросовестных и честных граждан страны” (Л. Троцкий, “Нужно шире, прочнее, правильнее поставить дело помощи инвалидам”, *Правда*, 3 января 1924).

ствующие пространства, редакция газеты, в прямом соответствии со своим субъективным видением, производила и транслировала образы читательским массам.¹⁶ Наиболее явным проявлением этой практики стало освещение внутривнутрипартийной борьбы в Москве, которой на страницах “Правды” было уделено наибольшее внимание.

ЦК в лице своего главного печатного органа и аппарата внимательно следил за борьбой на местах. Вскоре после первого значимого поражения оппозиции на московском общегородском дискуссионном собрании 11 декабря 1923 г., интенсивность информационной политики резко возросла. “Материалы о ходе дискуссии за последнее время поступают в редакцию не регулярно, – указывалось в небольшом объявлении 14 декабря. – Редакция ‘Правды’ просит все партийные организации и секретарей ячеек, в первую очередь, озаботиться своевременной присылкой резолюций дискуссионных собраний, как принятых ими, так и отвергнутых, а равно и других поступающих в ячейку материалов к дискуссии о задачах партии”.¹⁷ В тот же день было принято, а на следующий опубликовано, “Обращение ЦК” ко всем организациям РКП(б), которое, помимо прочего, гласило: “ЦК предлагает информировать его о ходе дискуссий, сообщая предложения и резолюции. ЦК ждет от вас первых сообщений не позднее 20-го числа сего месяца. Дальнейшие регулярные сообщения ЦК считает обязательными”. Директивный характер обращению придавала подпись: “Секретарь ЦК И. Сталин”.¹⁸

Помимо корреспонденции в “Правду”, центральное партийное руководство обладало более содержательным и ценным источником – регулярными “закрытыми”, “информационными”, “личными” письмами региональных секретарей партийных комитетов в ЦК РКП(б) а зачастую – персонально “т. Сталину”.¹⁹ Однако секретари не обременяли себя точной регистрацией фактов оппозиционности в подотчетных им парторганизациях, ограничиваясь, как правило, общей характеристикой борьбы. Судя по всему, содержательная ценность информации с мест зависела и от степени лояльности того или иного секретаря аппарату ЦК: конкретных директив об обязательной посылке

16. При этом, следует заметить, карта как таковая (в виде изображения, а не текста), так и не была воплощена ни в “Правде”, ни в других изданиях.

17. “От редакции”, *Правда*, 14 декабря 1923.

18. “Обращение ЦК”, *Правда*, 15 декабря 1923.

19. Секретари были обязаны посылать ежемесячные двухстраничные закрытые письма в Оргбюро ЦК с января 1922 г. Согласно крупнейшему исследователю аппарата ЦК, “чем стандартнее и обширнее становилась информация, поступающая в Оргинструкторский отдел, тем менее в ней содержалось характерного и неординарного материала. . . . Реальная информация и ответ на нее находили уже особые доверенные каналы”. С. А. Павлюченков, “*Орден меченосцев*”: *Партия и власть после революции. 1917-1929 гг.* (Москва: Собрание, 2008), с. 215. Подробнее об этом в региональном контексте: А. Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов* (СПб: Европейский дом, 2007).

той или иной детальной информации из центра не поступало. Эти факторы определяли заинтересованность Сталина и его союзников в сведениях “Правды”, дополнявших представления о реальном соотношении сил – в особенности в тех регионах, где не справлялся местный аппарат.

Вероятно, самая позитивная для оппозиции картина соотношения внутривнутрипартийных сил представлена в воспоминаниях бывшего секретаря Сталина Б. Бажанова: “В середине декабря ГПУ робко пытается поставить Политбюро в известность о том, что в большей части партийных организаций большинство не на стороне ЦК. Я констатирую, что в огромной ячейке самого ЦК большинство голосует против ЦК. Я запрашиваю секретаря Московского комитета партии Зеленского о результатах голосований в Московской организации. Я получаю паническую сводку – ЦК потерял большинство в столичной организации, наиболее важной в стране; по ней равняются провинциальные организации”.²⁰ Действительно, технические сотрудники ЦК отдали свой голос оппозиции, но прочие факты вызывают скепсис. Материалы архивов спецслужб за этот период, доступные исследователям, крайне малочисленны, чтобы верить ссылкам Бажанова на ГПУ, а упомянутая “паническая сводка” до сих пор обнаружена не была.

Внутрипартийная борьба в Москве разгоралась все сильнее, и фракция Сталина, Зиновьева и Каменева успела подготовиться к решающим боям. Место ЦО партии в пространстве этой борьбы впервые ясно обозначилось с появлением информации о конфликте в редакции “Правды”. Центральная контрольная комиссия сообщала, что на основании постановления своего секретариата 15 декабря ею были опрошены сотрудники ЦО РКП(б). Заведующим отдела “Партийная жизнь” являлся 23-летний коммунист Константинов, а его замом – 20-летний Вигилянский.²¹ Согласно ЦКК, первый ушел из газеты в знак протеста, сочтя просьбу Зиновьева опубликовать четыре дискуссионные статьи (из более чем ста неопубликованных) “нажимом”, противоречившим духу резолюции “О партстроительстве”. Вигилянский ушел из редакции после того, как А. М. Назаретян, направленный в отдел “партийной жизни” газеты из аппарата Секретариата ЦК, заявил, что “надо было бы взять не только статьи, но и заметки, резолюции и проч.”²² Также Вигилянскому было поручено проверить заявление редакции, что в “Правде” было помещено 44% статей оппозиции, “удельный вес которой не только в партии, но даже в портфеле редакции [был] несомненно меньше”. В заявлении, направлен-

20. Б. Бажанов, *Воспоминания бывшего секретаря Сталина* (СПб: Всемирное слово, 1992), с. 66.

21. Статья Вигилянского, опубликованная в “Правде”, была отчетливо оппозиционной (Н. Вигилянский, “Ударная задача партии”, *Правда*, 27 ноября 1923)

22. “От ЦКК РКП(б)”, *Правда*, 23 декабря 1923.

ном Вигилянским в редколлегию “Правды”, говорилось: “Когда я спрашивал, почему перестал работать т. Константинов, т.т. Бухарин и Попов ответили мне: ‘Тов. Константинов требовал вести дискуссию так, как ему хотелось: дискуссия “Правды” была направлена против ЦК’. Я активный участник в дискуссии, расцениваю это как выражение недоверия ко мне со стороны редакции”. Агол, молодой сотрудник газеты, оглашал заявление Вигилянского на ячеевых собраниях.²³ Таким образом, несогласные с линией ЦК находились и в одном из важнейших органов партии. Утверждения ЦКК невозможно проверить, однако, примечателен сам факт того, что она высказалась по вопросу о соотношении противоборствующих сил. Заключение высшего контролирующего органа состояло в том, что “Константинов и Вигилянский явно хотели и всячески стремились превратить ‘Правду’ в орган, односторонне освещающий партийную жизнь, с целью воздействия на партийное общественное мнение в духе того течения, сторонниками которого они сами являются”.²⁴ Это звучало весьма угрожающе, но, судя по всему, ЦКК не применило никаких санкций по отношению к несговорчивым сотрудникам²⁵. Главная задача была выполнена: в важнейший момент “Правда” была очищена от явных сторонников оппозиции.

12 декабря, на следующий день после публикации письма Троцкого “Новый курс”, активизировавшем внутрипартийный конфликт, в “Правде” произошли изменения. В рубрике “Партийная жизнь” под заголовком “О задачах партии” появились сообщения о ходе внутрипартийной дискуссии в районах и ячейках Москвы. Всего, по подсчетам Д. Хинкса, между 12 декабря и 10 января было опубликовано 180 резолюций, из которых лишь 46 (или 25%) оппозиционных.²⁶ Но важнее то, что редакция газеты сделала акцент на качественный аспект соотношения сил. Композиция размещения информации в номере 12

23. Судя по всему, это Израиль Иосифович Агол (1891-1937). До октября 1917 г. бундовец, затем большевик, член ЦИК Белоруссии, участник Гражданской войны. С 1921 г. в газетах “Правда” и “Труд”. Окончил медицинский факультет МГУ в 1923 г. Активный участник философских дискуссий по вопросам естествознания, последователь А. М. Деборина. Академик Всеукраинской АН, генетик. Арестован в 1936 г. как “вредитель”. Оставил воспоминания о детстве в Бобруйске (И. Агол, *Хочу жить*. В. Агол *Так и жили* (Москва: Аграф, 2011).

24. “От ЦКК РКП(б)”, *Правда*, 23 декабря 1923. Необходимо отметить, что других источников по этой “темной” истории не обнаружено, однако, в пользу ее достоверности говорят воспоминания Б. Бажанова.

25. По крайней мере, Учраспред ЦК 3 января 1924 г. постановил “направить тов. Константинова для отв. работы в Финансовой газете” (Вопросы Учраспреда, стоящие на совещании Зав. отделами 3-го января 1924 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 282. Л. 22). По данным в “фишках” Орграспреда, Константинов был назначен в Госиздат (Там же. Ф. 17. Оп. 34. Д. 737. Л. 39).

26. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, p. 140.

декабря была таковой, что читатель узнавал лишь об “отвергнутых” резолюциях оппозиции. Это отражало идеологическую позицию, обозначенную в передовой статье номера с говорящим названием “Под знаком единства”.²⁷ Техника редакторской работы стала зримым проявлением политики аппарата по формированию общественного мнения.

Выпуск газеты за 13 декабря открывался передовой “Наша партия и оппортунизм”, наполненной острой критикой оппозиции. В разделе “Партийная жизнь” в первый, но не в последний раз крупным шрифтом во всю полосу страницы провозглашалось: “Московская организация РКП отвергла резолюцию, направленную к подрыву единства партии. Подавляющим большинством принята резолюция, одобрена политика ЦК РКП и полного доверия руководящему органу партии”. Вопреки кричащему заголовку, отвергла резолюцию не вся “московская организация”, а ее руководящие элементы. Тезис о “подавляющем большинстве” сторонников ЦК пояснялся в заметке о собрании бюро ячеек и активных работников 11 декабря 1923 г.²⁸ Представление о ничтожном количестве оппозиционеров создавалось с помощью таких оборотов: “В зале громкий смех. Ибо всякий член партии поймет абсолютную несурзность . . .”, “За резолюцию т. Калинина – лес рук”.²⁹

Следует отметить, что во время дискуссии понятия “большинство” и “меньшинство” употреблялись как в негативном, так и в позитивном контексте. По подсчетам Л. Пёппель, на страницах газеты “большинство” прозвучало 1069 раз в позитивной коннотации и 1142 раз в негативной (“меньшинство” – 512 и 684 раз соответственно).³⁰

В следующем номере были опубликованы “Впечатления рабочего” о прошедшем дискуссионном собрании бюро ячеек и активных работников Рогожско-Симоновского района Москвы. Характеризуя проект резолюции, зачитанный Сапроновым, одним из ведущих трибунов оппозиции, автор заметки сослался на слова другого “рабочего”: “и длинна, и туманна”. “Поэтому резолюция Сапронова и получила небольшое количество голосов, а резолюция Томского принимается подавляющим большинством и подтверждается громкими, продолжительными аплодисментами и криками ‘ура’”, – подвел итоги

27. *Правда*, 12 декабря 1923.

28. Судя по всему, по поводу этого собрания, предположительно, рабочий высказался: “Партийная знать попала в Дом Союзов на дискуссию, а нас не пустили” (Сводка отдельных выражений и мыслей, высказанных во время дискуссии “О задачах партии” в рабочих ячейках Бауманского района и на пленуме Бауманского райкома? РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 306. Л. 4).

29. И. Волков, “Решение партийной Москвы”, *Правда*, 13 декабря 1923.

30. L. Poppel, *Rhetoric of Pravda Editorials: A Diachronic Study of a Political Genre* (Stockholm: Stockholm Univ., 2007), p. 101.

автор.³¹ Безусловно, подобные эмоции имели место на многих собраниях, однако, если верить “Правде”, то “продолжительные аплодисменты” и крики “ура” раздавались исключительно в поддержку линии ЦК. Конечно, реальность не была такой монохромной, но такой ей – от имени “рабочего”! – подал ЦО партии.

14 декабря был использован новый прием. Подзаголовок на странице “Партийной жизни” был набран во всю полосу и жирным крупным шрифтом: “Ячейки крупнейших предприятий Замоскворечья: завод имени Владимира Ильича, Гознак №2, ‘Русскабель’, ‘Красный Пролетарий’ и другие, вынесли резолюции полного одобрения политики ЦК РКП и высказались против фракционных группировок”.³² Читателю было не избежать встречи с этим четким, подчеркнуто значительным сообщением. При этом сама по себе информация была подана вне контекста реального соотношения сил в районных парторганизациях Замоскворечья. В следующем выпуске аналогично по форме, но более детально, привлекая цифровые данные, демонстрировалась ничтожность оппозиции: “Из 80-ти ячеек заводов и фабрик Красной Пресни 76 отвергли резолюции сторонников т.т. Преображенского, Сапронова и Рафаила”.³³ Информация же об успехах оппозиции, невзирая на их масштаб, была подана обычным мелким шрифтом. Так, в опубликованной на следующей странице резолюции собрания бюро ячеек и ответственных работников Сокольнического района, принятой по докладу Е. А. Преображенского, не просто отсутствовали количественные данные, но даже понятия “большинство” и “меньшинство”, что в определенной мере смазывало эффект. Наоборот, даже если дело касалось всего лишь отдельной ячейки (причем не “рабочей”), текст “нужного” заголовка увеличивался за счет дополнительных оборотов: “Резолюция, принятая единогласно, при 1 против, на собрании ячейки РКП Коммунистического университета трудящихся Востока от 13 декабря 1923 года, по вопросу о партийном строительстве и внутривнутрипартийном положении”.³⁴ Привлечение и фиксация внимания обеспечивалась в нужном “большинству ЦК” направлении.

Использование имени вождя оппозиции против самой оппозиции – еще один из примеров политико-информационной техники редакции. Весь текст небольшой “резолюции, принятой собранием ячейки центрального аэродрома имени тов. Троцкого 19-го декабря . . .” был напечатан жирным шрифтом. Это особенно примечательно, учитывая,

31. Рабочий С–ев, “В Рогожско–Симоновском районе. (Впечатления рабочего)”, *Правда*, 14 декабря 1923.

32. *Правда*, 14 декабря 1923. Характерно, что из 6 опубликованных резолюций не было ни одной оппозиционной.

33. *Правда*, 15 декабря 1923.

34. Там же.

что даже выделение отдельных частей других резолюций происходило не часто. Сторонникам линии ЦК оставалось лишь сожалеть, что эта краткая резолюция оставила нетронутым Троцкого (и даже Сапронова), ограничившись шаблонным одобрением большинства ЦК.³⁵ Следом же помещалось постановление 2-й объединенной командной школы красных коммунаров, “буферное” по сути, но содержавшее “привет тов. Троцкому и тов. Ленину”.³⁶

Особая редакционная политика выразилась и в практике комментирования, применявшейся исключительно к оппозиционным резолюциям. “Собрание считает совершенно недопустимым обвинение тов. Троцкого в оппортунизме и уклоне к меньшевизму, допущенное в передовице ‘Правды’ [13 декабря] и выступления некоторых членов ЦК” – прозвучало в резолюции, принятой активом Сокольнического района (см. ранее). Она получила следующий комментарий: “От редакции. Редакция утверждает, что ни в одной из передовых ‘Правды’ не упоминалось имя тов. Троцкого в связи с нашей борьбой против меньшевизма и оппортунизма. Всю ответственность за ложное сообщение собранию несут лица, предложившие эту резолюцию”. Был также опубликован текст резолюции, “предложенной сторонниками т.т. Преображенского, Сапронова и Рафаила и отвергнутой» вышеупомянутой университетской ячейкой. Комментарий гласил: “Редакция считает эту резолюцию, составленную из цитат, взятых из письма тов. Троцкого, примером фракционного использования этого письма”.³⁷ Примечательно здесь и то, что редакция “отделяла” популярного Троцкого от его безответственных “сторонников” – а в действительности от ближайших товарищей по политическому альянсу! Ниже, без всякого подзаголовка, следовало краткое сообщение: “**Общее собрание ФОН’а**”³⁸ (Факультет общественных наук 1-го МГУ – А. Р.) приняло резолюцию, предложенную тов. Сапроновым. Текст резолюции аналогичен тексту резолюции тов. Преображенского, предложенной и отвергнутой на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации и помещенной в ‘Правде’ от 12-го декабря”. Тексты постановлений ячеек, публиковавшихся в “Правде”, как правило, отличались лишь структурой, а не смыслом, они перманентно повторяли друг друга и резолюцию ЦК и ЦКК “О партстроительстве” 5 декабря. Учитывая это, отказ в повторной публикации резолюции, принятой одной из крупнейших парторганизаций

35. Резолюции, *Правда*, 22 декабря 1923. Любопытно, что оппозиционную резолюцию приняла ячейка рабфака им. Бухарина, однако ее текст отдельно напечатан не был (Перечень резолюций, принятых на московских ячейках. *Правда*, 25 декабря 1923).

36. Резолюции. *Правда*, 22 декабря 1923. В целом же, из 32 резолюций, опубликованных в этом выпуске, лишь 2 являлись оппозиционными.

37. Там же.

38. Здесь и далее выделения принадлежат источникам.

столицы не мог быть оправдан соображениями экономии места, особенно учитывая ее краткость. Текст постановления фабрики “Красная Роза”, содержащий типичные формулировки одобрения политики ЦК, была беспрепятственно опубликована.

Там же следом помещалась небольшая заметка о “первоначальных итогах дискуссии” в ячейках Красной Пресни. Оппозиции в ней был посвящен небольшой абзац: “Из 80 ячеек только 4 приняли резолюции, предложенные сторонниками тт. Сапронова, Стукова, Преображенского и др. Эти ячейки: станция ‘Подмосковная’ (резолюция опубликована в том же номере – *А.Р.*), завода ‘Дукс’, 16-ой типографии и академии Воздухофлота”. Наоборот, резолюции в поддержку ЦК удостоились не только пересказа, но и характерного резюме: “Примеры без труда можно было умножать”. Отличительной чертой программы оппозиции являлось требование продолжительных, возможно, даже “перманентных” дискуссий. В заключительном фрагменте заметки, как противовес, утверждалось: “Окончательные итоги обсуждения по ячейкам выявятся в ближайшую неделю”.³⁹ Но в действительности, “окончательные итоги” не были подведены и не должны были быть “выявлены”, т.к. дискуссии повсеместно продолжались. Следовательно, “Правда” программировала общественное мнение на принятие неизбежности поражения оппозиционеров, что было особенно важно для воздействия на провинциальные организации, из которых многие еще не начинали дискуссию.

В выпуске “Правды” 16 декабря, в разделе “По ячейкам. Резолюции”, среди прочих была публикация с длинным заголовком: “Резолюция тов. Сапронова, принята большинством голосов на ячейке 1-й московской фабрики Гознак в количестве 200 чел., как добавление к резолюции ЦК и ЦКК от 7 декабря 1923 г. Общее собрание ячейки состоялось 8 декабря 1923 г. Присутствовало 150 чел., и утверждена единогласно на общем собрании ячейки от 14 декабря 1923 г.”.⁴⁰ Возникает вопрос об авторстве заголовков в “Правде” и, соответственно, о степени активности редакции газеты в формировании общественного мнения. Действительно, сразу за “сапроновской” резолюцией была опубликована совместная резолюция собрания 12 декабря ячеек 22-го Бронетанкового автозавода, “Радио-аппаратного завода” и двух фабрик – ‘Декоративная ткань’ и ‘Новь’. По содержанию она была скорее ‘буферно’,⁴¹ но при этом в ней отсутствовали наиболее

39. “Дискуссия по ячейкам Красной Пресни”, *Правда*, 15 декабря 1923.

40. *Правда*, 16 декабря 1923.

41. Понятие “буфер” вошло в обиход во время “дискуссии о профсоюзах” 1920-1921 гг., в особенности на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. “Буферной” называлась позиция группы большевиков во главе с Н. И. Бухариным между фракциями В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Впоследствии оказалось важно, что Ленин активно проводил мысль о близости “буферов” к фракции Троцкого. В контексте событий 1923-1924 гг. “буферным” считалось, в первую очередь, решение, обходящее наиболее

характерные “дискуссионные” клише.⁴² Далее следовала оппозиционная “резолуция ячейки 16-й типографии, предложенная тов. Дробнисом”, принятая “большинством в 5 голосов”.⁴³ Я. Н. Дробнис являлся, наряду с Сапроновым, одним из наиболее активных оппозиционеров из числа лидеров фракции “Демократический централизм”. Публикация в одном номере двух резолюций, обозначенных именами ключевых “децистов”, могло быть не случайной.

Признаком углубления конфликта явилась публикация “Постановления политбюро ЦК РКП (против обострения внутривнутрипартийной борьбы)” и “Письма петроградской организации членам нашей партии” в выпуске “Правды” 18 декабря. “Постановление политбюро . . .” звучало как директива. Не случайно, что редактор газеты Н. И. Бухарин, победив Преображенского на состоявшемся в ближайшие дни многолюдном собрании, провел резолюцию, один из пунктов которой буквально “приветствовал постановление политбюро от 18 декабря. . .”.⁴⁴ В Петроградской парторганизации, полностью контролировавшийся Г. Е. Зиновьевым, было очень мало сторонников Троцкого, Преображенского или Сапронова. Подзаголовок “Письма петроградской организации . . .” гласил, что оно было “принято на общегородском собрании 15 декабря бюро ячеек и активных работников (около 3000 человек) всеми голосами против 5 и 7 воздержавшихся”. Усиливая эффект и без того ошеломительной новости, Г. И. Сафаров, в статье с говорящим названием “Рабочий Питер против фракционной игры”, привел ряд примеров поддержки ячейками большинства ЦК.⁴⁵ В следующем номере говорилось о собрании членов бюро партийных комитетов Петрограда: “По предложению президиума защитникам точки зрения тов. Троцкого было предоставлено вне очереди слово. Выступило только 4 товарища, совершенно не поддержанных собранием”.⁴⁶ Скупая информация об оппозиционной активности появлялась и в последующих номерах. Так, можно было узнать, что в Артиллерийской академии лояльная ЦК резолюция была принята 39

острые вопросы: о доверии линии ЦК или об отношении к группировкам и фракциям, персонально к Троцкому. 5 января “Правда” охарактеризовала “буферные” резолюции как “обходящие вопрос о линии и ограничивавшихся практическими предложениями” (*Правда*, 5 января 1924).

42. Близкой по духу была и следовавшая за ней резолюция типографии “Красный маяк”.

43. Примечательно, что далее следовала “Резолюция, предложенная тов. Колпаковым, – принята[я] как дополнение”. В подавляющем числе случаев принималась одна единственная резолюция. Факт же принятия, наряду с оппозиционной, резолюции “дополнения”, может рассматриваться как проявление “демократизма” со стороны оппозиционно настроенного большинства (*Правда*, 16 декабря 1923).

44. Резолюции. *Правда*, 22 декабря 1923.

45. Г. Сафаров, “Рабочий Питер против фракционной игры”, *Правда*, 18 декабря 1923.

46. “Из Петрограда”, *Правда*, 19 декабря 1923.

голосами против 19, причем “из 10 выступавших ораторов большинство высказалось против содержания и тона письма петроградской организации”; не известно, сколько получила резолюция оппозиционера Ходе.⁴⁷

Участники дискуссии не могли игнорировать изменения в редакционной политике “Правды”. Партийный публицист И. Ходоровский, пересказывая свою полемику со студентом Мартыновым, отметил, что тот обвинил ЦК в узурпации “мнения партии”, “а выразилась эта ‘узурпация’ в том, что ‘Правда’ в одной из своих передовиц выражала уверенность, что вся партия сплотится вокруг тезисов ЦК”.⁴⁸ 19 декабря было опубликовано “Заявление” редакции: она возмущалась циркулирующей слухов о “якобы одностороннем освещении редакцией” шедшей дискуссии, которые распространялись, в том числе, и со стороны “ослепленных фракционной страстью некоторых ответственных работников”. “Редакция ‘Правды’ категорически заявляет, что все дискуссионные материалы, как то: статьи, речи на собраниях, письма и резолюции публикуются редакцией в полном соответствии порядку их поступлений и обычной для партийных органов системе размещения”. Но сомнения могла вызвать уже следующая часть этого заявления: “Единственно, в чем можно упрекнуть редакцию, это в том, что она уделяет больше места резолюциям и статьям так называемой оппозиции—Преображенского—Сапронова—Рафаила, чем это приходится на ее (оппозиции) долю по удельному партийному весу ее: т.е., по количеству поступающих в редакцию статей и резолюций в пользу линии оппозиции”. Более того, редакция утверждала, что число их “с каждым днем уменьшается, причем таковые поступают преимущественно из нерабочих ячеек, а возрастает . . . в пользу ЦК, на 99 проц. поступающих из заводских и фабричных ячеек как центров (Питер, Москва), так и мест”. “Кроме того, — говорилось далее, — лежит неразобранное большое число резолюций, вынесенных в Москве в пользу линии ЦК, ожидающих появления в печати”.⁴⁹

Случайно или нет, это “заявление” редакции фактически явилось ответом на опубликованную в том же номере резолюцию общего собрания Отдела народного образования Моссовета 15 декабря. Принятая по содокладу оппозиционного лидера Рафаила, она говорила о необходимости “отражать в партийном печати мнение ячеек всех направлений, даже если это и мнение меньшинства”.⁵⁰ Как бы в доказательство своей беспристрастности, редакция опубликовала, наряду с 13 резолюциями за ЦК и тремя “буферными”, целых 6 оппозицион-

47. “По Петрограду”, *Правда*, 23 декабря 1923.

48. И. Ходоровский, “На дискуссии (Впечатления)”, *Правда*, 18 декабря 1923.

49. “Заявление ‘Правды’”, *Правда*, 19 декабря 1923.

50. “Резолюции”, *Правда*, 19 декабря 1923. “Похожее по звучанию требование содержала резолюция Шелкотреста: Резолюции”, *Правда*, 20 декабря 1923.

ных, что впервые составило сколь бы то ни было значимое число (27% от общего числа). Одна из них, принадлежавшая общему собранию членов и кандидатов ячейки Первых московских военных автомобильных мастерских (т.е. преимущественно рабочих), выделялась на общем фоне тем, что была принята в отмеченном ранее “Правдой” Краснопресненском районе, и к тому же – единогласно. Кроме того, в этом постановлении отмечалось, что “краснопресненский райком в проведении дискуссии проявил одностороннее пристрастие”.⁵¹ Любопытно, что 23 декабря была опубликована резолюция собрания ячейки *при* Краснопресненском райкоме, содержащая оппозиционные тезисы.⁵²

Борьба за Красную Пресню нашла отражение в статье, повествовавшей о расширенном собрании райкома с секретарями ячеек. Тогда, в ответ на запрос секретаря оппозиционной ячейки наркомата юстиции, секретарь райкома Г. Я. Беленький заявил, что в новый состав руководства районной парторганизации намечены представители 5 “производственных ячеек, которые голосовали за оппозицию”, а также студенты-“свердловцы”. Если верить автору, при обсуждении состава райкома за кандидатуру оппозиционера Дробниса было подано всего 2 голоса (меньше 1 процента).⁵³ Таким образом, создавалась картина ничтожности оппозиции в этом районе. Однако, 3 января на партконференции 188 голосов (или 24-25% от общего числа делегатов) поддержало резолюцию Преображенского.⁵⁴ Заметка начиналась почти конспирологическими рассуждениями: “Чья-то рука умело дирижировала и создавала общественно мнение против райкома и его отдельных представителей”. “Оппозиция”, по мнению автора, “знала, что от поведения Красной Пресни в значительной степени зависит решение Московской организации”, но ее “. . . бешеная атака в ячейках была отбита. Из 260 ячеек оппозиция отвоевала только 35, из которых 25 вузовских и советских», что составляет “ничтожное меньшинство”.⁵⁵

Судя по всему, вскоре редакция определилась, в каком соотношении на страницах газеты будут представать резолюции. В номере

51. “Резолюции”, *Правда*, 19 декабря 1923. Недовольство политикой райкома выражалось и в других резолюциях, публиковавшихся в “Правде”.

52 “. . . Между тем резкие выступления некоторых членов (Сталин) против ‘инакомыслящих’ т.т. сводятся к ограничению принципов демократического централизма. Общее собрание ячейки находит, что резкое отношение к оппозиции, ведущееся под флагом борьбы против фракционности, грозит свести на нет постановление ЦК. . . .” (“Резолюции”, *Правда*, 23 декабря 1923)

53. Вл. Лапин, “От слов к делу”, *Правда*, 29 декабря 1923.

54. *Бюллетень Красно-Пресненской районной конференции РКП(б)*. № 1-2 (1924) (Москва, 1924), с. 42; *Правда*, 4 января 1924.

55. В. Егоров, “На Краснопресненской районной партконференции”, *Правда*, 9 января 1924.

“Правды” 20 декабря из 18 опубликованных резолюций 4 (или 22%) было оппозиционными.⁵⁶

Большинство резолюций в поддержку ЦК, хотя и превалировали количественно, смотрелись на фоне оппозиционных очень краткими и шаблонными. В редакции могли возникать сомнения по поводу эффективности их воздействия на общественное мнение. Учитывая это, интересна “резолюция”, в которой был сделан акцент на содержательную сторону вопроса:

«Резолюция ячейки Сахаротреста. Два дня в ячейке Сахаротреста шла дискуссия, выдвинутая в статье тов. Зиновьева. Почти все члены нашей ячейки принимали активное участие в обсуждении затронутых в печати вопросов по резолюции ЦК и ЦКК. Тов. Бык, защищая резолюцию сторонников т.т. Сапронова и Преображенского, нашел среди нашей ячейки немного сторонников. Резолюция наша гласит: “Комячейка Сахаротреста приветствует резолюцию ЦК и ЦКК и обязуется провести в жизнь при полном единстве всех членов партии”.⁵⁷

Несмотря на то, что это ячейка служащих, стиль этой заметки скорее напоминает творчество “рабочих корреспондентов”.

21 декабря в “Правде” было опубликовано несколько кратких репортажей и резолюций в поддержку ЦК под заголовком “Пролетарские центры за крепость и единство партии”. В частности, про дискуссию в клубе Нижне-Уводской мануфактуры Иваново-Вознесенка, на которой присутствовало свыше 500 человек, сообщалось: “Из выступавших ораторов три товарища стояли на точке зрения т.т. Сапронова и Преображенского и других. Все остальные целиком и полностью поддерживали позицию большинства”.⁵⁸ Другое дело – резолюция Преображенского, принятая 554 голосами против 428 ячейкой Коммунистического университета им. Свердлова. Редакция “Правды” сопроводила ее комментарием: “Часть Свердловского университета была, очевидно, введена в заблуждение непроверенными слухами, легкомысленно использованными для фракционных целей”. Действительно, резолюция “свердловцев” была одной из наиболее критических. Однако, наиболее болезненным для Центрального органа партии могло быть указание “свердловцами” на “нарушение рабочей демократии в области партийной печати, поскольку ‘Правда’ допускает

56. “Резолюции”, *Правда*, 20 декабря 1923. Обращает на себя внимание заголовок одной из них: “Резолюция сторонников т.т. Преображенского и Сапронова, принятая общим собранием ячейки РКП строительных рабочих Кремля 11 декабря, по докладу тов. Рейн о новых задачах партии”. Возникает вопрос: могли ли действительные “сторонники Преображенского и Сапронова” обозначать свою идентичность в названии резолюции в такой форме или это продукт творчества редакции?

57. “Резолюции”, *Правда*, 20 декабря 1923.

58. “Пролетарские центры за крепость и единство партии”, *Правда*, 21 декабря 1923.

неверную и пристрастную информацию о ходе дискуссии в Москве, вводя в заблуждение провинцию”.⁵⁹ В этом же духе звучала специальная резолюция сотрудников Исполкома Коммунистического интернационала “по вопросу о формах дискуссии”.⁶⁰ Стоит отметить, что это были технические сотрудники аппарата Коминтерна, но факт высокой политической значимости их выступления был косвенно подтвержден критикой, обрушенной на них в том же номере.⁶¹ Ячейка ОГПУ и Московского губернского отдела ГПУ, бывшая одной из самых крупных в столице, провела дискуссионные собрания 19 и 20 декабря. В пристрастной статье сторонника ЦК утверждалось, что оппозиция в начале первого дня собрания “оживленно” проявляла “свое существование”. Видимо, поэтому на данный важнейший участок, помимо бессменного председателя ОГПУ Держинского отправились Бухарин и Зиновьев, которым безуспешно оппонировал Преображенский.⁶²

В выпуске “Правды” 23 декабря редакция известила о своем постановлении “не печатать тексты резолюций московских ячеек, а ограничиться опубликованием их перечня, с указанием за какую линию они вынесены, за исключением тех случаев, когда резолюция в отдельных ее пунктах будет представлять новое предложение”.⁶³ Постановление обосновывалось исключительно технической невозможностью публикации всех поступавших постановлений. 5 января началась публикация “буферных” резолюций. Данные нижеприведенной таблицы убедительно говорят о том, что резолюции публиковались не по дате их получения. На наш взгляд, решение редакции о том, сколько и каких резолюций публиковать не могло быть объективным и беспристрастным как в силу фракционной приверженности ее сотрудников, так и в силу чисто практической невозможности отталкиваться от некоего фиксированного общего числа наличных резолюций, по крайней мере, в первое время, когда все новые и новые постановления поступали с мест. В “Правде” исходили из своих представлений о реальном соотношении сил. Например, в трех списках подряд (29, 1 и 3 января)⁶⁴ оппозиция “получала” 5 из 20 резолюций (25%).

Репрезентация удельного веса оппозиции в 13 списках, последний из которых был опубликован 17 января, была следующей:

59. “Резолюции”, *Правда*, 21 декабря 1923.

60. В номере 20 декабря уже была опубликована их резолюция по более общей проблематике “нового курса”.

61. Г. Сафаров, “Фракция ‘добродетельных’”, *Правда*, 21 декабря 1923.

62. “В ячейке ОГПУ и МГО”, *Правда*, 23 декабря 1923. Переполненная уверенность в полной лояльности, резолюция собрания 1-й московской школы территориального отделения ОГПУ 22 декабря была принята его 1118 участникам *единогласно* (“Резолюции”, *Правда*, 25 декабря 1923).

63. “От редакции”, *Правда*, 23 декабря 1923.

64. 30 декабря список в “Правде” не публиковался.

Дата публикации	За ЦК	За оппозицию
25 декабря	22 (71%)	9 (29%)
28 декабря ⁶⁵	33 (70%)	14 (30%)
29 декабря	15 (75%)	5 (25%)
1 января	15 (75%)	5 (25%)
3 января	15 (75%)	5 (25%)
4 января	11 (69%)	5 (31%)
5 января ⁶⁶	40 (55%)	32 (45%)
6 января	18 (67%)	9 (33%)
8 января ⁶⁷	18 (90%)	2 (10%)
9 января	18 (90%)	2 (10%)
10 января	11 (73%)	4 (27%)
15 января	7 (70%)	3 (30%)
17 января	17 (85%)	3 (15%)

Составлено по: “Правда”. 25-29 декабря 1923 – 1-17 января 1924.

Таким образом, если высчитать среднее количество оппозиционных резолюций по спискам, то можно сделать вывод об изначальном намерении редакции “Правды” создать впечатление, что оппозиция имела поддержку одной трети первичных партийных организаций. Это соответствует общим подсчетам Д. Хинкса, согласно которым лишь 30% опубликованных в “Правде” резолюций ячеек были оппозиционными.⁶⁸ Но Д. Хинкс рассмотрел вопрос только с формально-статистической стороны, не обратив внимания на динамику публикаций и результаты голосований на районных партконференциях. До сих пор отсутствуют исследования необходимых источников архива московского комитета партии. Наконец, до тех пор, пока архивный

⁶⁵ Из представленного списка 22 резолюции за ЦК и 9 за оппозицию, сообщалось в примечании редакции, были ранее опубликованы 25 декабря 1923 г.; при этом причины указаны не были. Как бы то ни было, соотношение новых резолюций было тем же самым: 69% и 31%.

⁶⁶ 15 резолюций числились «буферными».

⁶⁷ 1 резолюция числилась «буферной»

⁶⁸ D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924,” p. 144.

фонд “Правды” будет оставаться закрытым для исследователей, версия Бажанова о намеренной фальсификации результатов голосований в ячейках будет оставаться актуальной. По свидетельству Бажанова, эта технология осуществлялась так:

“В ‘Правду’ поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собрании такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против – 600; Назаретян переправляет: за ЦК – 600, против – 300. Так это и печатается в ‘Правде’. И так по всем организациям. Конечно, ячейка, прочтя в ‘Правде’ ложный отчет о результатах ее голосования, протестует, звонит в ‘Правду’, добивается отдела партийной жизни. Назаретян вежливо отвечает, обещает немедленно проверить. По проверке оказывается, ‘что вы совершенно правы, произошла досадная ошибка, перепутали в типографии; знаете, они очень перегружены; редакция “Правды” приносит вам свои извинения; будет напечатано исправление’. Каждая ячейка полагает, что это единичная ошибка, происшедшая только с ней, и не догадывается, что это происходит по большинству ячеек. Между тем постепенно создается общая картина, что ЦК начинает выигрывать по всей линии. Провинция становится осторожнее и начинает идти за Москвой, то есть за ЦК”.⁶⁹

К сожалению, проверить указанные Бажановым факты нет возможности. Нельзя исключать вероятность “технических” ошибок редакции. Так, например, явно ошибочно была размещена “Ячейка академии Социального Воспитания” как в столбце голосовавших “за ЦК”, так и “за оппозицию”.⁷⁰ В отношении публикации исправлений, встречавшихся крайне редко, приведем такой пример:

“В № 6 от 8 января 1924 г. в списке резолюций за ЦК значится, как таковая, резолюция издательства ‘Московский рабочий’ и ‘Рабочая Москва’. От имени бюро ячейки протестую против сей досадной опечатки и прошу сообщить причины упущения на страницах газеты. Резолюция была предложена тов. Стуковым, явно оппозиционного свойства, никаких сомнений быть не может. Резолюция прошла подавляющим большинством голосов.

Ответственный секретарь ячейки . . . Мацкевич.

От редакции. Протестовать против ‘досадной опечатки’ можно только в пылу фракционного раздражения. Редакция подтверждает, что по проверке резолюция, о которой идет речь, оказалась ‘явно оппозиционного свойства’”.⁷¹

Даже если Бажанов был прав, следует констатировать, что “вежливость” в арсенале редакции отсутствовала – наоборот, вместо прине-

69. Б. Бажанов, *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*, с. 77.

70. *Правда*, 5 января 1924.

71. *Правда*, 12 января 1924.

сения извинений, оппозиция подверглась дополнительной критике. Наконец, вряд ли в ячейках, несправедливо отнесенных к числу преданных большинству ЦК, не обсуждались подобные факты. Однако, обвинения в фальсификации прозвучали в заявлении Троцкого, Пятакова и Радека в ЦК 29 декабря: “Дело идет на этот раз не о каком-либо одностороннем подборе статей и даже не просто о выдвигании одних резолюций и задержке в печатании других, а о сознательном и злонамеренном искажении текста официальных документов с целью придать им смысл, иногда прямо противоположный тому, который вложен был в эти резолюции теми, кто за них голосовал”. Заявители указали на “исключительное значение” этих “преступлений перед партией”, ведь главный обвиняемый ими аппаратчик – Назаретян являлся также заведующим Бюро Секретариата ЦК, секретарем на заседаниях Политбюро и личным помощником Сталина. Они потребовали отстранить виновных и провести расследование в 24-часовой срок, но добились лишь устранения Назаретяна; их предложение “пересмотреть все уже опубликованные материалы и опубликовать . . . исправления и дополнения” было полностью проигнорировано.⁷² Заявление 29 декабря было сильно запоздалым и может рассматриваться как часть арьергардных боев оппозиции.

В передовой статье 25 декабря редакция “Правды” заявила о срыве “программы-максимум” оппозиции в Москве – получить большинство. А “программой-минимум”, согласно “Правде”, стало требование “пропорционального представительства” в московском комитете партии. Заметим, что это утверждение редакции базировалось на письме И. Скворцова-Степанова, пересказывавшего выступление Преображенского в собрании Государственной электростанции 21 декабря, при этом отмечалось, что Преображенский сразу же заявил, что его неверно истолковали.⁷³ Как бы то ни было, ЦО утвердил представление о поражении оппозиции в столице, в подкрепление чего употребив выражение “общепризнанная линия партии”.⁷⁴

К концу декабря становилось ясно, что оппозиция проигрывает. Дискуссия вокруг резолюции ЦК “Об очередных задачах экономической политики”, принятой 24 декабря и опубликованной на следующий день, для оппозиции была еще менее успешной. Так, ни одно из собраний всех шести районов Москвы, состоявшихся 27-30 декабря, не дало сколь бы то ни было существенной поддержки оппозиционерам. В Бауманском районе собрания длились два дня, и “громадное

72. РКП(б): *Внутрипартийная борьба . . .*, с. 361-63.

73. “Он имел ввиду сказать, что было бы политической ошибкой, если бы большинство стало снимать оппозиционеров со всех партийных постов”, писал Скворцов-Степанов (“Партийная дискуссия и московская организация”), *Правда*, 25 декабря 1923).

74. “Партийная дискуссия и московская организация”, *Правда*, 25 декабря 1923.

большинство” получила резолюция Рыкова, в то время как Преображенского – “незначительное число голосов”.⁷⁵

Незвизрая на провал экономической программы оппозиции, районные партконференции 4-8 января 1924 г. выявили значительное число “левых”. Согласно “Правде”,⁷⁶ соотношение сил выявилось следующим образом:

Район	ЦК	Оппозиция
Бауманский	234	178
Замоскворецкий	327	190
Краснопресненский	605	188
Рогожско-Симоновский	121	90
Сокольнический	228	52
Хамовнический	нет	нет

Информация о результатах голосования партийной конференции в Хамовниках отсутствовала, потому что большинство там получила оппозиция. Согласно подсчетам оппозиционера М. С. Богуславского, в Бауманском районе оппозиция получила 47%, в Замоскворецком – 35%, в Краснопресненском – 25%, в Рогожско-Симоновском – 48%, а в Хамовническом 55% голосов.⁷⁷ Выступая на XI московской губпартконференции 10-11 января, Богуславский преследовал цель показать высокий уровень поддержки оппозиции, так что в его речи упомянутой осталась партконференция в Сокольниках, которая, судя по всему, дала оппозиции менее 20% голосов.⁷⁸

10 января Ярославский писал: “Еще не закончились в двух-трех районах Москвы районные партконференции, но картина соотношения сил сторонников линии ЦК и пестрой оппозиции совершенно ясна. Ни в одном районе оппозиция не имеет большинства. . .”.⁷⁹ 12 января, на следующий день после окончания московской губпартконференции, была опубликована статья Вардина “Итоги”. Преимущест-

75. “В районах”, *Правда*, 1 января 1924.

76. *Правда*, 6 января, 9 января, 10 января 1924.

77. *Правда*, 15 января 1924. М. Гайсинский, без ссылок на источники, утверждал, что в Хамовническом районе “против линии ЦК и воздержалось” 51%. (М. Гайсинский, *Борьба с уклонами от генеральной линии партии: Исторический очерк внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода*. 2-е изд. [Москва-Ленинград: Госиздат, 1931], с. 112).

78. Это отразило реальный уровень поддержки оппозиции в ячейках района: 18% оппозиционных резолюций (23 из 128), согласно списку (дата составления не ясна). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 204. Л. 88-90.

79. Ем. Ярославский, “Итоги борьбы”, *Правда*, 10 января 1924. В “Петроградской правде” статья появилась 13 января.

венно пропагандистского толка, она упирала на “классовый” аспект расстановки сил:

“Из 413 рабочих ячеек Москвы голосовало: за линию ЦК – 346, за линию оппозиции 67 ячеек. Значит, *менее одной шестой части рабочих ячеек поддерживало оппозицию*. Если взять членов рабочих ячеек, то окажется, что за линию ЦК высказалось 9843 чел., за линию оппозиции – 2223 чел. Значит, *менее одной пятой членов рабочих ячеек Москвы поддержало оппозицию*. . . . Из 72 вузовских ячеек за линию ЦК высказались 32 ячейки (2790 членов), за линию оппозиции – 40 ячеек (6594). Необходимо тут же подчеркнуть, что подавляющее большинство голосовавших за ЦК в вузовских ячейках – пролетарии. . . .”⁸⁰

Однако, на наш взгляд, вполне справедливы подсчеты Д. Хинкса. Если Вардин говорил о 413 рабочих ячейках, то, следовательно, в “Правде”, содержавшей данные лишь о 259, остались неучтенными 154. Соотношение большинство/оппозиция по “Правде” составило примерно 1:4; исходя из этого, из 154 неучтенных рабочих ячеек 39 могли быть оппозиционными. Следовательно, итог был бы следующим: 309 – лояльных линии ЦК, 104 – оппозиционных, т.е. оппозицию поддержали не “менее одной шестой части рабочих ячеек”, как утверждал Вардин, а одна четвертая часть. Д. Хинкс предположил, что Троцкий был не далек от истины, когда утверждал, что, по крайней мере, на первоначальном этапе, оппозиция имела большинство в рабочих ячейках Москвы.⁸¹ Возможно, рабочие действительно были склонны к “протестному голосованию”, но это не было равнозначно автоматической поддержке оппозиции или даже отдельным ее лозунгам реформирования внутривнутрипартийного режима или экономической политики.

В отличие от Вардина, М. И. Калинин поделился более общими наблюдениями ситуации в московской парторганизации. Предположительно, статья была написана не позднее 16 января, но Калинин исходил из 383 резолюций, опубликованных в “Правде” (всего по подсчетам Хинкса их было 546): “. . . резолюций за линию ЦК – 274 и за линию оппозиции – 109. Из фабрично-ремесленных предприятий за линию ЦК высказалось 133, за линию оппозиции – 28, в первом случае мы имеем половину ячеек, во втором – ¼ ячеек”⁸². Казус выразился в том, что Калинин дважды ошибся в переводе цифр в дроби – и в итоге дал более адекватную картину соотношения сил, чем сам того хо-

80. Ил. Вардин, “Итоги”, *Правда*, 12 января 1924.

81. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, pp. 145-46.

82. М. Калинин, “По дискуссионным углам”, *Правда*, 17 января 1924. Примечательно, что в последующих номерах сообщениях об опечатках не появилось.

тел. Это могло быть прямым следствием хорошей осведомленности Калинина – члена ЦК и сторонника фракции Сталина и Зиновьева.

По нашим наблюдениям, аппаратом ЦК началось подведение “итогов дискуссии” в регионах раньше того, как было окончательно выявлено мнение всех провинциальных парторганизаций. Причем нередко сообщения содержали обороты вроде “единодушие” (“полное” и “большое”), “единогласно” и т.п. 6 января была опубликована “сводка по резолюциям, принятым на заседаниях и собраниях активов, бюро ячеек, общегородских собраний и фабрично-заводских и др. ячеек по провинции за время от 18 декабря до 6 января 1924 г., сообщенных редакции и опубликованных в ‘Правде’”. Из 296 лишь 8 (или 2,7%) числились оппозиционными.⁸³ 10 января Ярославский заявил, что “*партийная масса не пошла за оппозицией ни в провинции, ни в Петрограде, ни в Москве*”.⁸⁴

Примечательно, что из всех оппозиционеров, выступавших на конференции РКП(б) 16-18 января, лишь Сапронов уделил достаточное внимание калькуляции соотношения сил и топографии оппозиции в Москве: “Оппозиция имела [в среднем] 36%, голосов на районных конференциях; на губернской она имела только 18%. Если от районных конференций до губернской конференции при помощи нажима партийного аппарата оппозиция лишилась 18%, то я задаю вопрос: скольких же голосов нажим аппарата лишил оппозицию в рабочих ячейках, пока эти голоса дошли до районных конференций? Если брать такую же цифру потери, как от районных конференций до губернской, – 8 %, то получится, что оппозиция имеет в Москве больше 50%”.⁸⁵ Обращает на себя внимание не только фокусировка на “рабочих ячейках” на фоне молчания обо всех остальных, где оппозиция была более успешна.⁸⁶ В этом отношении, видение Сапронова не отличается от господствующего в “Правде”. Но воображаемая карта оппозиции на местах по Сапронову – фрагментарна и бедна. По сути он сказал лишь следующее:

“Выступавший здесь т. Ярославский начал перечислять крестьянские губернии: вот, мол, где вы победили. Тов. Ярославский, эту победу я не отношу за счет крестьянских элементов, а за счет так называемых переброшенных.

Почему не освещается правильно вопрос о дискуссии? Например, в Юзовке на целом ряде ячеек принята резолюция оппозиции. В Иваново-Вознесенске дискуссия происходила под нажимом и угрозой”.⁸⁷

83. “Итоги дискуссии на местах”, *Правда*, 6 января 1924.

84. Ем. Ярославский, “Итоги борьбы”, *Правда*, 10 января 1924.

85. *Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевики)*. Бюллетень (Москва: Красная новь, 1924), с. 131.

86. “Исключительно московским рабочим ячейкам уделил внимание Преображенский”. Там же, с. 147.

87. Там же, с. 133.

Примечательно, что успехи оппозиции Сапронов не стеснялся объяснить за счет “переброшенных”, т.е. категории партработников, зачастую вопреки их воле назначаемых из одного региона в другой.

Между тем, четкая и общепризнанная социальная классификация ячеек отсутствовала. Это давало повод для неверных выводов, которые несли на себе печать субъективных или откровенно фракционных утверждений. Так, Калинин утверждал, что “. . . основной кадр советских служащих, работающих в наших основных советских органах, почти полностью голосовал за оппозицию. Достаточно перечислить такие учреждения, как ВЦИК, Наркомвнудел, Всерокомпом, Хлебопродукт, Главконцесском, Главэлектро, Наркомвнешторг, МОНО, Верховный суд и т.д. и т.п.”⁸⁸ В воображаемой политической карте оппозиция была не случайно отмечена как привлекательная “верхам”, что могло отвечать антибюрократическим настроениям “низов”. Однако, в действительности оппозицию поддержали 45% ячеек государственных учреждений.⁸⁹ По нашим подсчетам, за оппозицию проголосовали в 7 или 8 из 16 наркоматов РСФСР и общесоюзного значения: в наркомате внутренних дел,⁹⁰ путей сообщения (совместно с ЦК профсоюза железнодорожников),⁹¹ внешней торговли,⁹² финансов,⁹³ просвещения и юстиции⁹⁴; резолюцию наркомата иностранных дел редакция “Правды” сначала отнесла к оппозиционным, затем к “обходящим вопрос о линии . . .”⁹⁵; наркомат труда, судя по всему, тоже поддержал оппозицию.⁹⁶ Оппозиционерами являлись наркомвнудел и нарком путей сообщений. Однако, наркомат почт и телеграфа возглавлял подписант “Заявления сорока шести” И. Н. Смирнов, но это не помешало ему подчиненным высказать лояльность ЦК.⁹⁷ С другой стороны, оппозиционным оказалось большин-

88. М. Калинин, “По дискусионным углам”, Правда, 17 января 1924.

89. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, p. 144.

90. *Правда*, 25 декабря 1923.

91. *Правда*, 3 января 1924. НКПС затем отдал свой голос в поддержку линии ЦК по экономической политике (*Правда*, 15 января 1924).

92. *Правда*, 9 января 1924.

93. *Правда*, 29 декабря 1923.

94. *Правда*, 5 января 1924.

95. *Правда*, 3 января, 5 января 1924.

96. Резолюция о дискуссии о новых задачах партии общего собрания ячейки Наркомтруда 14.12.1923. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 206. Л. 8.

97. Если верить словам Ярославского, И. Н. Смирнов, будучи известным в качестве военно-политического деятеля (“Сибирский Ленин”, организатор разгрома войск Колчака), уделил большое внимание военным ячейкам: “. . . в ячейках, военных ячейках выступает товарищ Иван Никитич Смирнов и говорит: ‘Как, зачем выражать доверие Центральному Комитету? Это совершенно не нужно’” (*Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии [большевиков]*. Бюллетень [Москва: Красная новь, 1924], с. 123).

ство в Наркомпросе, несмотря на то, что А. В. Луначарский активно защищал ЦК.

Посчитав, что 10 ячеек системы просвещения идут за ЦК, а 29 – против, Калинин сделал вывод, что “педагогический персонал, можно сказать, полностью идет за оппозицией”.⁹⁸ Не ясно, что имелось ввиду под “педагогическим персоналом”, но в образовательных учреждениях и университетах за оппозицией действительно пошло около $\frac{3}{4}$ членов и 55% ячеек.⁹⁹ Это были очаги формирующейся интеллектуальной элиты советского общества, например, Свердловский коммунистический университет, Институт красной профессуры, Институт народного хозяйства, Институт востоковедения, Институт журналистики, Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) и его рабфак, Академия социального воспитания, Горная академия, Высшие научно-педагогические, а также политико-просветительские и научно-технических курсы Наркомпроса, отдельные факультеты (и их отделы) МГУ.

40% военных ячеек Москвы вынесли оппозиционные резолюции.¹⁰⁰ “Правда”, по материалам которой проведен этот подсчет, не опубликовала ни одной обобщающей заметки, не решаясь, судя по всему, лишний раз затрагивать больной вопрос. 13 января Пленум ЦКК вынес резолюцию, в которой посчитал “особенно опасной эту работу оппозиции в Красной армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии – ЦК”.¹⁰¹ На последовавшей партконференции Ярославский заявил, что “третья часть воинских наших ячеек против” линии ЦК, очевидно, в Москве.¹⁰² Примечательно, что среди них были первички военных вузов, готовивших элиту армии, например, Военная академия РККА, Высшая военно-экономическая школа, Московская военная школа физического воспитания комсостава, I военной школы летчиков. Не удивительно, что среди оппозиционных оказалась ячейка поезда председателя Реввоенсовета Троцкого; постановление батальона охраны Реввоенсовета, судя по всему, не упомянутая “Правдой”, также было оппозиционным.¹⁰³

Согласно подсчетам, произведенным Д. Хинксом по материалам всех номеров “Правды”, результаты голосований ячеек во внутрипар-

98. М. Калинин, “По дискуссионным углам”, *Правда*, 17 января 1924.

99. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, p. 144.

100. *Ibid.*, p. 143.

101. *Тринадцатая конференция . . .*, с. 190.

102. Там же, с. 123.

103. Материалы о партийной дискуссии в Красной армии (Сводка ПУР от 9 января). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 42.

тийной дискуссии 1923-1924 гг. в Москве в целом были следующими¹⁰⁴:

Организация (ячейка)	ЦК		Итого	Оппозиция		Итого
	Текст	Перечень		Текст	Перечень	
Промышленные рабочие	61	80	141	25	25	50
Транспортные рабочие	13	40	53	6	9	15
Профсоюзные	3	1	4	1	–	1
Военные	22	17	39	6	20	26
Образовательные/Университеты	8	16	24	7	23	30
Московские партийные органы	19	14	33	5	3	8
Государственные учреждения	7	11	18	4	11	15
Смешанные	25	47	72	10	7	17
Итого	159	226	384	63	98	162

К сожалению, Д. Хинкс не пояснил, какие ячейки он отнес к “смешанными”. В этой связи отметим, что, согласно нашим подсчетам, за ЦК голосовало 18 ячеек милиции, а за оппозицию лишь одна, притом “смешанная” – на совместном с двумя другими ячейками собрания.¹⁰⁵ Столь же редко происходило нарушение лояльности ЦК в системе ОГПУ, в которой, согласно личным подсчетам его начальника, из 551 партийцев линию ЦК поддерживало 367 человек, 40 – было против и 129 проявляли колебания (мнение остальных не выявлено).¹⁰⁶ Впрочем, в регионах встречались отдельные чекисты-оппозиционеры.

Используя фактически монопольную власть на трансляцию подлинного знания, сотрудники “Правды”, подобно радио-техникам, формировали “сетку вещания”, настраивали все региональные сигнала-

104. D. Hincks, “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923-1924”, p. 142.

105. *Правда*, 5 января 1924.

106. А. М. Плеханов, *ВЧК–ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921-1928* (Москва: Кучково поле, 2006), с. 264.

лы на одну “волну”, упорядочивая “голоса”, очищая ее от “шумов” или прямо опасных информационно-политических “загрязнений эфира”. Тем самым они формировали шаблон. Потоку сообщений о ходе внутрипартийной борьбы предавался строгий порядок, очищавшийся от конкретики, без которой смысл информации сужался или прямо искажался. Редакция управляла вниманием читателя, выделяя необходимую ей информацию. Оппозиция изначально представляла “меньшинством”, обреченным на поражение.

Топография оппозиции на страницах “Правды” была субъективной: политическое пространство на воображаемой карте заполнялось в узкофракционных целях большинства ЦК. Легитимность оппозиции в общественном мнении и шансы на победу уменьшались и потому, что она не боролась за право картографирования соотношения сил, а образы ее собственных успехов – в первую очередь, в Москве, – были туманны и размыты. Так, оппозиция совершенно не “освоила” пространства регионов, в которых лидировали ее сторонники: на “картах” отсутствовали Симбирск, Пенза, Череповец, Вятка и другие места успеха левых. Не случайно осенью 1926 г. молодой провинциальный коммунист возмущался в письме Сталину: “. . . только сейчас узнаю, что в 1923 году были целые троцкистские РК и ГК (районные и городские или губернские, комитеты – А.Р.)”.¹⁰⁷

Слова Карла Шлёгеля о “геополитике” большевиков справедливы и по отношению к менее глобальным (в контексте мировой революции) событиям, каковым являлась внутрипартийная борьба:

“Конечно, революционеры не всегда мыслили в первую очередь в пространственных категориях и величинах. Чтобы добиться успеха, они должны были абстрагироваться от пространственных отношений, всегда тяготеющих к консерватизму. Более того, они были вынуждены их почти игнорировать. Их центры носили не пространственный, а исключительно социальный характер. Их граница не совпадала с физическими рубежами, а вытекала из столкновения социальных миров и классов [. . .] В левых теориях речь идет об основных и вторичных противоречиях, о фронтах классовой борьбы и кризисах легитимации, о противоречиях между верхами и низами. Ментальное пространство революционной партии – это динамичное пространство, пространство связей, пространство, где выделены позиции власти и безвластия”.¹⁰⁸

107. “У нас существует только пародия на партийную демократию”. Письмо И. В. Сталину кандидата в члены ВКП(б) С. Б. Захарова. 1926 г. *Исторический архив*, № 6 (2007): 11.

108. К. Шлёгель, *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945)* (Москва: Новое литературное обозрение, 2004), с. 454.

Более того, “разметка” всего политико-географического пространства внутрипартийной борьбы носила дискриминационный характер, что укладывалось в общеполитический дискурс большевиков. В контексте протекавшей дискуссии о внутрипартийной “рабочей демократии” ячейки были разделены на четыре основные категории: рабочие, служащие, студенты и красноармейцы; отсутствовали как крупные социальные группы (крестьяне), так и малые, профессиональные, например, врачи, учителя, работники культуры. В воображаемых картах и меньшинства и большинства редко отмечались красноармейские коммунисты, хотя это и не значило, что их не учитывали. Представляется, что все стороны конфликта следовали негласному консенсусу по вопросу о недопустимости вовлечения армии в политические конфликты. Классовый или, точнее, вульгарно-социологический, подход в интерпретации результатов внутрипартийного противостояния, хотя и не объяснял сложных реалий, был свойственен обеим сторонам.

Но особенно выгоден взгляд сквозь оптику “классов” оказался сторонникам большинства ЦК. Преимущественно это объяснялось тем, что в целом, на фоне служащих или студентов, “класс-гегемон” советского общества оказался наиболее лояльным большинству ЦК. “Необходимо укрепить надлежащими силами ЦО партии (“Правду”) с тем, чтобы он имел возможность систематически разъяснять основы большевизма и вести кампанию против всех уклонов от него” – гласил один из пунктов резолюции январской партконференции.¹⁰⁹ Дальнейшая судьба “Правды” была предопределена, как и, в огромной степени, тщетность борьбы оппозиционных групп за рядовых членов партии.

* * * * *

Автор выражает глубокую признательность редакции *The NEP Era*, и лично А. Погорельскин, научному руководителю профессору Б. И. Колоницкому, участникам диссертационного семинара в Европейском университете в Санкт-Петербурге, коллегам из Санкт-Петербургского Института истории РАН, Германскому историческому институту в Москве и Фонду “Открытое общество” (HESP). Отдельная благодарность Г. Альберту, Е. Жданковой и А. Калашниковой.

Александр Резник

Центр сравнительных исторических и политологических исследований, кафедра новейшей истории России, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

reznik@comparativestudies.ru

109. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях . . . с. 784.

28	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
30	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
32	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
34	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
36	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
38	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
40	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
42	The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928	
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	29
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	31
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	33
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	35
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	37
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	39
	Политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года	41

The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928, 6 (2012), 27-53.